

Глава 4. Изумление

Хоть он и приветствовал генерала, взгляд Жун Цзюаня скользил снизу вверх, оценивая.

«Божественный скакун!»

«До чего же он хорош!»

Боевого коня Се Яньчжоу звали Инь Сяо. Его серебристая шерсть, подобная горной лавине, могла мчать своего всадника тысячу ли в день, стремительная, как падающая звезда.

Жун Цзюань долго не мог оторвать от него взгляда и лишь потом перевёл его на лицо Се Яньчжоу.

Лицо оказалось на удивление молодым. Высокий головной убор, волосы, зачёсанные назад и открывающие лоб. Глаза от природы были светлыми и с узким разрезом, а прямой нос с высокой переносицей делал черты ещё более холодными и отстранёнными.

«Красив, — подумал он, — но до него самого не дотягивал на какую-то жалкую сотню миллионов пунктов»

[И до меня немного не дотягивает. Он на третьем месте.]

Человек и система по привычке расхваливали себя.

Сейчас этот холодный взгляд лишь скользнул по нему, не задерживаясь.

Впрочем, бесстрастное лицо Се Яньчжоу было куда приятнее откровенной неприязни на лице его доверенного воина, державшего коня под уздцы.

— Молодой господин, держитесь подальше, — с холодной усмешкой бросил воин. — Инь Сяо на поле боя рёбра вражескому вожаку переломал.

Не успел он договорить, как Се Яньчжоу спешил, и гордый Инь Сяо вдруг сам подошёл к Жун Цзюаню и доверчиво потёрся о него.

Это был знак глубокой привязанности и доверия со стороны животного.

Лицо воина застыло.

Юноша же совершенно спокойно наслаждался лаской коня.

Некоторых людей животные любят от природы. Наука объясняет это формой лица, густотой волос и прочими факторами. Есть и более мистическая теория о некоем «магнитном поле».

Будучи единственным растрёпанным человеком в округе, он в этом деле был непревзойдённым мастером.

Природные данные в сочетании с присутствием Системы действительно делали его ауру отличной от обычной.

Расположение Инь Сяо заставило Се Яньчжоу наконец удостоить Жун Цзюаня толикой внимания, хотя взгляд его дружелюбным никак не назовёшь.

— Сын Жун Чэнлиня?

Назвать канцлера по имени на публике — во всей столице не нашлось бы второго такого смельчака.

Из-за сияющих сундуков лицо Жун Цзюаня тоже лучилось светом.

— Я сын своей матушки, сбежавшей пораньше, и приёмный сын Великого инспектора.

«Вечно ты твердишь "сын твоего отца", как невежливо».

Он мастерски умел заводить связи и с улыбкой добавил:

— А также названный младший брат и постоялец генерала.

При словах «названный младший брат» даже раскалённый уличный воздух, казалось, похолодел. Кто-то нервно сглотнул, и все вокруг разом замолчали.

Даже доверенный воин отступил на шаг. Казалось, столичная знать так долго жила в праздности, что совсем отупела и перестала думать, прежде чем говорить.

Се Яньчжоу слишком долго провёл в армии и действительно давно не встречал таких развязных людей.

Невероятная красота, неопрятная одежда, необузданный язык...

Из-за полного отсутствия манер в нём не было ничего, что напоминало бы его отца-интригана.

— В резиденции генерала не держат бездельников.

В армии фраза «не держат» означала не «выгоняют», а «не оставляют в живых».

Тяжёлый, пропитанный убийственной аурой голос обрушился на него, но Жун Цзюань и бровью не повёл.

— Я очень трудолюбив.

Се Яньчжоу, кажется, не услышал его слов и уже шагнул в ворота резиденции.

Боевой конь всё оглядывался, явно не желая расставаться с Жун Цзюанем.

Мысль о том, что этот негодник ступит на землю генерала, вызывала у нескольких офицеров отвращение. Сдерживая желание пустить в ход кулаки, они спросили доверенного воина:

— Может, устроим ему «тёплый приём»?

Глядя на то, как конь тоскливо оглядывается, тот раздражённо бросил:

— Конь и тот готов за ним уйти, какой ещё «приём»?

Благодаря Системе, обострившей его пять чувств, несмотря на отравленное тело, Жун Цзюань всё расслышал.

Он вдруг почувствовал непреодолимое желание съесть вафельное печенье.

[А я — зашифрованный вирус.]

Не обращая внимания на враждебные взгляды, человек и система вздохнули, стоя у ворот.

Вечером Се Яньчжоу устроил небольшую встречу со своими воинами. Из его двора то и дело доносились смех и брань, звон кубков — шумное веселье разительно контрастировало с тишиной соседнего двора.

Се Яньчжоу часто упрекали в жестокости, и его военный стиль был под стать. В лагере он вводил чрезвычайно суровые законы.

Жун Цзюань не знал, каков он в бою, но в часы досуга генерал казался вполне доступным человеком.

— А он довольно щедр. Я занял несколько комнат, и он не возражал.

Слуге, который его сопровождал, Жун Цзюань дал вольную, освободив и его, и себя — от необходимости подбирать слова.

Постоянное присутствие постороннего заставляло быть начеку.

Сейчас он сидел на ложе, обдувая горячий чай, и радовался своему новому жилью.

Конечно, Се Яньчжоу, скорее всего, проигнорировал его наглость не из щедрости, а просто считая его пустым местом.

— Слишком много добра перевёз, в одну комнату всё не влезло, — Жун Цзюань обвёл рукой россыпь сундуков. — Один, два...

Устав считать сокровища, лёжа в золотой клетке, он наконец решил заняться делом и начал перебирать возможные варианты развития событий.

Система переместила его в конец династии Лян. Если бы трон захватил один из принцев, название династии не изменилось бы.

— В тот день, когда меня бросили в темницу, я обратил внимание на цены на улицах.

По его опыту, если народ бедствует, повсюду вспыхивают восстания, а цены на зерно в столице взлетают до небес. Ничего подобного не наблюдалось.

Нынешнее затишье больше походило на дело рук «своих» — династия рушилась изнутри.

Но пока он контактировал со слишком малым числом людей.

— У любого детектива есть как минимум три подозреваемых. У меня пока неполный комплект... Итак, подозреваемый в узурпации номер один — мой дешёвый папаша.

Старая служанка лишь сказала, что канцлер покинул столицу по делам, но по каким именно — неизвестно. Длительное отсутствие обычно означало либо поездку к родным, либо ссылку.

Его отец явно не подходил ни под одно из этих определений, что было ещё более странным.

— Подозреваемый номер два — Се Яньчжоу.

Чем больше Жун Цзюань наблюдал за ним, тем подозрительнее тот казался. Он и остался-то здесь, чтобы присмотреться к генералу.

— Этот человек без колебаний называет моего отца по имени, за его спиной стоит мой крёстный отец, Великий инспектор, а на собственную репутацию ему плевать. Просто эталонный мятежник.

Система сочла это весьма логичным.

[Но все эти качества есть и у тебя.]

— Шутка, сгенерированная ИИ?

[ИИ до такого не додумается. Это я сама придумала.]

Человек и система расхохотались.

[Почему ты не включил в список Великого инспектора?]

— Маловероятно.

Согласно последним подслушанным разговорам, Великий инспектор, по слухам, повредил своё мужское здоровье. Даже если это притворство, притворяться пришлось бы последние двадцать лет, что уже слишком.

Вероятность того, что бездетный человек в эту эпоху пойдёт на захват власти, ничтожно мала.

Но исключать ничего нельзя. Подумав, Жун Цзюань достал блокнот и всё же вписал его имя.

Их развлечения продлились всего день. На следующий день дворцовый банкет, устроенный в честь Се Яньчжоу, внезапно отложили. Ранним утром его разбудил управляющий и велел идти принимать императорский указ.

Едва разлепив веки, он поплёлся, опустив голову.

«Ранний подъём — к неудачному дню»

Сказав это, он врезался в кого-то.

Се Яньчжоу холодно смотрел на него.

«...»

Точно, ранние подъёмы до добра не доводят.

К счастью, смертоносный взгляд продлился всего три секунды. Длиннобровый евнух, стоявший на ступенях, начал зачитывать указ.

После долгой витиеватой речи суть свелась к тому, что Правый канцлер во время своей поездки раскрыл заговор одного из князей и, собрав доказательства, в скором времени вернётся ко двору.

Император, неизвестно по какой причине, зная о вражде между военными и канцлером, решил дожидаться его возвращения и устроить совместный банкет, чтобы отпраздновать оба события.

Жун Цзюань слушал и ничего не понимал.

Какое отношение этот указ имел к нему?

Закончив чтение, евнух окинул его взглядом.

— Это, должно быть, сын господина канцлера? Воистину, выдающийся талант.

Жун Цзюаня разбудили в спешке, волосы его были в беспорядке. Каким образом он походил на «выдающегося таланта»?

Когда кто-то несёт подобную чушь, расхваливая тебя, это никогда не сулит ничего хорошего.

Евнух с улыбкой продолжил:

— Его Величество особо распорядился, чтобы молодой господин также присутствовал на банкете.

Жун Цзюань с вопросительным видом указал на себя.

Евнух кивнул, подтверждая, что речь именно о нём.

— Я иду, — высказав свои чувства, он спросил, — и за какой стол мне садиться?

На дворцовых банкетах рассадка была строго регламентирована. Положение слева, справа, спереди и сзади ясно указывало на статус, и нарушать иерархию было нельзя. У него не было чина. Куда его посадят? За стол к Великому инспектору или к канцлеру?

Улыбка евнуха стала ещё шире.

— Его Величество сказал: на ваш выбор.

Единственный человек в истории, которому позволили онлайн-бронирование места на дворцовом банкете. Но Жун Цзюань не чувствовал гордости. Скорее, ему хотелось выругаться.

Когда евнух ушёл, он направился к Се Яньчжоу.

Несмотря на то, что оба проснулись рано, генерал, который накануне пил со своими подчинёнными, выглядел куда бодрее Жун Цзюаня, проспавшего почти десять часов.

Другие боялись Се Яньчжоу, но юноше в принципе было чуждо благоговение. Это касалось всех.

Пришелец из другого мира смотрел на настоящее из будущего, и в его подсознании таилось чувство превосходства.

К тому же, пока он не совершит серьёзной ошибки, Се Яньчжоу, каким бы жестоким он ни был, не мог просто так убить законного сына высокопоставленного чиновника.

Поэтому Жун Цзюань без всякого зазрения совести обратился к нему:

— Прошу прощения, есть ли способ не пойти? Если отец узнает, что я вынес пол-резиденции, он меня убьёт.

Ответом ему была лишь удаляющаяся спина.

У Се Яньчжоу сложилось о Жун Цзюане всего два впечатления: при первой встрече — неземная красота, и ещё — он был очень шумным.

Слово «неземная красота» обычно применяют к произведениям искусства, и в его глазах юноша и был всего лишь вещью. Ненависть к дому распространялась и на его обитателей. Ради будущего спокойствия Се Яньчжоу уже подумывал найти предлог, чтобы разбить эту «вещь» и приказать вымести осколки.

[Малыш Жун, он смотрит на тебя как-то жестоко.]

Жун Цзюань в это время размышлял о другом.

— Если бы мой отец в дороге простудился, — бормотал он на ходу, — то его возвращение задержалось бы, и он не смог бы попасть на банкет.

— Переломы сростаются сто дней, а если бы он ещё и охромел — было бы просто замечательно.

Се Яньчжоу резко остановился, и Жун Цзюань едва не врезался ему в спину.

Взгляд сверху вниз был таким, словно он смотрел на редкое животное.

Встретившись с абсолютно искренним, полным надежды взглядом Жун Цзюаня, он в итоге произнёс лишь четыре слова:

— Что ж, удачи тебе.

Направляясь в кабинет, Се Яньчжоу ещё слышал за спиной молитвы «да помогут боги», «да помогут предки». Выражение его лица сменилось с холодной насмешки на лёгкую улыбку.

Правый канцлер и впрямь вырастил хорошего сына.

Он ещё не встречал потомка, который молил бы предков наслать несчастье на другого потомка.

Войдя в кабинет, Се Яньчжоу снова стал серьёзным.

— Жун Хэнсун.

Управление по надзору предоставило более подробное досье. Генерал быстро пробежал его глазами.

Все прошлые прегрешения были подробно изложены на бумаге.

Великий инспектор отправил его сюда не просто так. Се Яньчжоу понимал его замысел. Жун Чэнлинь был старым лисом, и вполне мог использовать собственного сына в своей игре.

В резиденции генерала хранилось немало секретных документов. Если этот человек и впрямь что-то замышлял, он рано или поздно себя проявит.

Снаружи постучали. Получив разрешение, вошёл доверенный воин. Увидев на столе список прегрешений, он скрипнул зубами.

— В таком юном возрасте — и столько злодеяний. По-моему, даже удар палицей по голове был бы для него слишком лёгким наказанием.

Се Яньчжоу закрыл досье.

— Позови ко мне Сюэ Жэня.

— Сколько же зла натворил оригинал? Слухи дошли даже до далёкого военного лагеря.

В последние дни все воины, приходившие к Се Яньчжоу с докладами, при виде него начинали якобы шёпотом, а на самом деле — громогласно обсуждать его прошлые проступки, глядя на него, как волки, готовые разорвать на части.

В такие моменты Жун Цзюань останавливался и начинал молиться, чтобы его отец простудился в дороге и задержался с возвращением.

Воины застывали в изумлении, забывая даже о ругани.

Система, целыми днями читавшая романы Коу-Коу до головокружения от недосыпа, наконец вмешалась.

[Малыш Жун, нам пора подумать о задании.]

— Это задание — как изматывание сокола: нужно просто дожидаться, когда на трон взойдёт новый император, и посмотреть, кто это будет.

Жун Цзюань скинул обувь и прилёг на ложе, но, как и просила Система, заговорил о деле.

— А расположение этой комнаты довольно интересное. Недалеко и от кабинета, и от покоев Се Яньчжоу.

Планировка резиденции была не самой удачной. Задний двор превратили в манеж для верховой езды, а все остальные постройки сгруппировались в одном месте. И всё же свободных комнат было достаточно.

— Если тебе кто-то действительно неприятен, — с усмешкой произнёс он, — ты поселишь его

рядом со слугами.

Нынешняя ситуация больше походила на ловлю на живца.

[Значит, ты ему не неприятен?] — воскликнула Система. — [Малыш Жун, неужели он в тебя влюбился с первого взгляда?]

С влюблённым мозгом говорить было не о чем. Жун Цзюань отвернулся и решил вздремнуть.

По сравнению с его ленью, Се Яньчжоу был настоящим спартанцем, приверженцем строжайшей дисциплины.

Каждый день он читал до глубокой ночи, а утром, ещё до рассвета, уже упражнялся с оружием. Звон металла и стук копыт разносились по всей резиденции.

К тому же, несколько его доверенных воинов, сироты, усыновлённые старым генералом, не имея своих семей, тоже жили здесь и время от времени устраивали тренировки с армейскими командами.

Проснувшись и увидев на небе утреннюю звезду, Жун Цзюань не выдержал.

— Здесь что, никто не жалуется на нарушение тишины?! — взревел он.

Птицы в ужасе вспорхнули с веток.

На манеже Се Яньчжоу, протиравший клинок, на мгновение замер, услышав этот полный негодования вопль, а затем продолжил упражнения.

Управляющий, стоявший рядом, задумался.

«Или мне кажется? Такое чувство, что генерал, услышав его, стал шуметь ещё громче. По-своему, это даже как-то по-детски, словно он дразнит ребёнка».

Но тут же он покачал головой. «Нет, генерал не станет заниматься такими глупостями».

Днём в резиденции стало ещё шумнее. Многие чиновники лично приходили с визитами и подарками.

В последующие дни поток желающих поздравить всё рос, и Се Яньчжоу, видимо, счёл это неуместным. Он закрыл ворота, сославшись на болезнь.

Он-то успокоился, а вот Жун Цзюань пришёл в движение. В тот день он, на удивление, не стал спать днём, а вместо этого копался в сундуках с ценными лекарствами.

Система, используя новейший ИИ, составила рецепт и, отделившись от него, помогала взвешивать ингредиенты.

[Это тонизирующее средство подходит девяноста девяти процентам людей. Укрепляет тело, проясняет ум.]

К несчастью, Жун Цзюань, чьё тело было пропитано ядом, принадлежал к тому самому одному проценту.

[Тебе это не поможет.]

— Это не для меня, а для генерала Се.

[Малыш Жун, твой мозг что, хакеры взломали?]

«Он будит тебя каждый день, а ты ему отвары готовить собрался?»

— Се Яньчжоу, похоже, действительно болен.

Точнее, ранен.

Когда евнух зачитывал указ, юноша уловил от Се Яньчжоу слабый запах лекарств. Подойдя ближе, он убедился, что не ошибся. Упражнения с оружием, скорее всего, были лишь прикрытием.

То, что в последние дни генерал беззастенчиво принимал подарки, лишь подтверждало его догадку.

Се Яньчжоу не мог быть настолько глуп. Скорее всего, ему нужен был предлог, чтобы сейчас закрыть ворота.

«Ну и что, что болен?» — Система всё ещё не понимала, с какой стати юноша решил сыграть в доброго самаритянина.

— Глупая, на банкете я сяду за его стол.

Се Яньчжоу должен поскорее поправиться. В его присутствии хотя бы часть разговоров будет об армии, а не о его «усыновлении».

— К тому же, это касается мечты всей моей жизни.

Жун Цзюань мечтал быть счастливым и ленивым. Почему люди находят радость в еде, питье и развлечениях? Потому что они знают, что такое труд и усталость.

Поэтому ему нужен был эталон для сравнения.

— Когда меня разбудили в третий раз, я, к своему удивлению, нашёл новое развлечение.

— Мысль о том, что кто-то вынужден вставать с первыми петухами, пока я сплю, — с упоением произнёс Жун Цзюань, — о, боги! Я снова счастлив.

[...ты снова стал извращенцем.]

Система чувствовала, что у него есть и другие мотивы. Его действия всегда были непредсказуемы.

Но как только он начинал действовать, его цель становилась предельно ясной.

И действительно, у Жун Цзюаня была ещё одна важная причина, о которой он умолчал. Он собирался проверить свою догадку на банкете.

Система, работая на полную мощность, наконец помогла измельчить лекарства в порошок.

Он прекрасно понимал, что если сам принесёт отвар, Се Яньчжоу его не выпьет.

Поэтому Жун Цзюань на цыпочках пробрался на кухню и аккуратно нанёс порошок на внутренние стенки котла для отваров, которым, очевидно, недавно пользовались. Совершив доброе дело, он вернулся и попросил Систему записать это в его дневник.

За окном качались деревья. В комнате не было ширм, а в углу громоздились подарки, полученные в последние дни.

Се Яньчжоу сидел с обнажённым торсом. На его крепких мышцах виднелась страшная рана, и лекарь как раз менял ему повязку.

— К счастью, стрела не была отравлена. Несколько дней покоя — и всё будет в порядке.

Будь здесь Жун Цзюань, он бы узнал в лекаре того самого судмедэксперта.

Сюэ Жэнь был мастером и в медицине, и в ядах — лучшим специалистом по фармакологии во всём Управлении.

— Не распространяйся об этом, — Се Яньчжоу накинул рубашку.

Если станет известно о его ранении, пусть и несерьёзном, некоторые воспользуются этим, чтобы задержать его в столице.

Сюэ Жэнь кивнул. Его внимание привлёк попугай ара, сидевший на деревянной жёрдочке. Клюв крючком, ослепительно длинный хвост.

Этот импортный попугай был одним из подарков. Под влиянием матери Се Яньчжоу очень любил птиц.

— Даритель проявил изобретательность, — заметил Сюэ Жэнь.

Генерал, всё ещё в боевых сапогах, подошёл к столу.

Длинные пальцы слегка постучали по краю жёрдочки.

— Да, очень.

Он спокойно посмотрел на попугая.

— Я приказал своим людям проверить. Оказалось, что при звуке слов «возлюбленный подданный» и некоторых других, он...

— Да здравствует генерал... да здравствует! — вдруг закричал попугай, взмахнув бирюзовыми крыльями.

Лицо Сюэ Жэня переменялось.

Император иногда заходил в резиденцию, чтобы почтить память старого друга, отца Се Яньчжоу. Если бы он это услышал, последствия были бы непредсказуемы.

Военачальников и так подозревали во всех грехах. Незнающий мог подумать, что он замышляет измену.

Се Яньчжоу написал имя дарителя — чиновника из Министерства ритуалов — и передал записку Сюэ Жэню.

Остальным займётся Управление по надзору.

Он взял чашу с только что принесённым отваром и, под недоумённым взглядом лекаря, поставил её в клетку, начав поить попугая.

Сначала попугай не пил, но, измученный жаждой, в конце концов сунул голову в чашу.

— А вот и ещё одна птичка, способная навредить.

Недавно страж, следивший за Жун Цзюанем, доложил, что тот тайком пробрался на кухню и что-то подсыпал в котёл для отваров.

Вспоминая яркий рассказ стража, Се Яньчжоу уставился на роскошное оперение птицы.

«Как и всегда, чем прекраснее вещь, тем она ядовитее».

Сюэ Жэнь был куда менее спокоен.

— Волчьи амбиции, как и у его отца! — в гневе воскликнул он.

Раньше он даже испытывал некоторую жалость к Жун Цзюаню, обречённому на раннюю смерть от яда. Но теперь, видя его коварство, он считал, что чем скорее тот умрёт, тем лучше.

Се Яньчжоу же это не волновало. Тайные убийства, отравления — он к таким мелочам привык. За год их случилось если не сотня, то десятки точно.

Несколько дней, что он провёл взаперти, генерал исправно пил лекарства.

Все отравленные отвары доставались попугаю.

Узнав о диверсии, Сюэ Жэнь каждый день в разное время готовил для Се Яньчжоу новый отвар и уже доложил обо всём Великому инспектору.

Но поскольку Управление по надзору в первую очередь занималось чиновником, подарившим попугая, дело Жун Цзюаня на несколько дней отложили.

Вскоре в столице произошло громкое событие.

Заместителя министра ритуалов, Чжан Цзя, уличили в мошенничестве на прошлогодних государственных экзаменах. Император пришёл в ярость и в тот же день приказал Управлению по надзору провести расследование.

Обычный чиновник не мог выдержать их методов. После нескольких ударов Чжан Цзя сошёл с ума от ужаса.

В его резиденции нашли огромное количество денег, но поскольку он обезумел, источник большей части богатств остался неизвестен.

Дело было слишком запутанным, и, опасаясь нестабильности при дворе, Управление по надзору по негласному указанию императора объявило его закрытым. Верховный суд подтвердил приговор, и, не дожидаясь осени, Чжан Цзя в тот же день был казнён. Когда кровь его брызнула на три чи, скорость правосудия поразила всех.

И в тот самый момент, когда Чжан Цзя испустил дух, произошло ещё одно важное событие — в столицу вернулся Правый канцлер!

Во дворце уже всё было готово к банкету, на который должны были явиться все знатные вельможи.

В тот день после обеда Се Яньчжоу в парадном облачении стоял у жёрдочки с попугаем.

Он не удивился, что с Министерством ритуалов так быстро разобрались. Управление по надзору имело особые полномочия от императора, и если дело запускалось, всё происходило молниеносно.

Удивил его попугай, подаренный Чжан Цзя. Проведя несколько дней на диете из отравленного отвара, он был жив и здоров.

Присмотревшись, генерал убедился, что ему не мерещится.

— Гу!

Попугай не только был бодр и полон сил... он даже поправился.

— Гу!!

Расправив крылья, а затем сложив их и выпятив грудь, ара стоял прямой, как сосна. Его маленькие грудные мышцы, покрытые пухом, выглядели внушительно, а два чёрных глаза-бусинки надменно взирали на Се Яньчжоу.

Попугай:

«Ты думаешь, чьё лекарство принимаешь? Это лекарство божества!»

Се Яньчжоу:

«...»

<http://bllate.org/book/15979/1441533>